

2. Медицинский факт (10 марта 1985 г.)

10 марта в 19.40 К.Черненко скончался. Министр здравоохранения Е.Чазов вспоминает: «Последние дни перед этим Черненко находился в сумеречном состоянии, и мы понимали, что это — конец. Сердце остановилось под вечер. Помню, что уже темнело, когда я позвонил Горбачеву на дачу, так как это был выходной день, и сообщил о смерти Черненко. Он был готов к такому исходу и лишь попросил вечером приехать в Кремль на заседание Политбюро, чтобы рассказать о случившемся»²⁰.

Итак, Горбачев узнал о случившемся первым, что давало ему возможность удерживать инициативу в своих руках, тем более, что «кронпринц» «был готов к такому исходу» благодаря регулярным консультациям с Чазовым. Необходимо было срочно приниматься за дело, так как, по более позднему признанию Горбачева, «был готов другой кандидат»²¹.

Сторонники Горбачева действовали стремительно, несмотря на глухое недовольство части секретариата ЦК: «Когда я заявился в «предбанник» перед залом заседаний Политбюро, там уже толклись взволнованные секретари... — вспоминает Н.Рыжков. — Помню, кто-то спросил неуверенно: не слишком ли быстро собираемся, может, стоит хотя бы из приличия выждать денек? А кто-то ответил: нельзя терять ни минуты, надо такие вопросы решать с ходу, промедление смерти подобно»²². Действительно, для сторон-

ников Горбачева промедление было подобно смерти. Пока в Москве отсутствовали Щербицкий и Кунаев.

Пока вожди второго сорта толклись в «предбаннике», полные члены Политбюро не торопясь беседовали отдельно. Эта процедура неформального общения олигархов в ожидании кворума была обычной и не предполагала согласованного решения до официального заседания. Но сам факт отдельного общения после смерти Черненко породил в журналистской среде версию о том, что среди полных членов Политбюро произошел раскол, и часть присутствующих поддержала Гришина²³. Эта драматическая история распространялась прогорбачевскими журналистами и сотрудниками КГБ. Она соответствовала журналистским вкусам и оттеняла судьбоносность выбора 10 марта. Но никаких подтверждений в документальных и мемуарных источниках эта версия не получила. О подобном столкновении было бы выгодно рассказать и самому Михаилу Сергеевичу, но он категорически отрицает этот факт. Предварительно Горбачев беседовал только с Громыко²⁴. Утром 11 марта Горбачев сообщил прилетевшему из Югославии В.Воротникову, что вопрос о Генсеке не обсуждался на Политбюро. Только по телефону Горбачев обсуждал свою кандидатуру с несколькими членами ареопага²⁵.

В действительности, когда в 9—30 вечера собралось Политбюро, на котором сторонники Горбачева разыграли изящную комбинацию, в результате которой «местнический клан» закрепил свое преимущество в этот решающий момент. После доклада Чазова о смерти Черненко и решения о проведении Пленума ЦК на следующий день стали обсуждать вопрос о председателе похоронной комиссии. «Горбачев, как бы советуясь, сказал:

— Ну, если мы комиссию утвердили, надо бы избрать и председателя...

В зале заседаний ПБ вдруг повисла тишина, — вспоминает Лигачев, — сейчас мне трудно вспомнить, сколько времени длилась та явно нервная и ненормальная пауза, но мне она показалась бесконечной. Вопрос, поставленный Горбачевым, в некотором смысле был ключевым. Все понимали, что избрание председателя похоронной комиссии — это как бы первый и весьма недвусмысленный шаг к избранию Генерального секретаря ЦК КПСС»²⁶. По установившейся в 80-е гг. традиции на похоронах Генсека председательствовал его преемник. По словам Гришина, Горбачев предложил возглавить похоронную комиссию ему: «Мне предложил председательствовать. Я сказал, что это было бы неприлично. Комиссию должен возглавить тот, кто замещал прежде Генерального секретаря»²⁷. После этого Гришин добавил: «А почему медлим с председателем? Все ясно. Давайте Михаила Сергеевича»²⁸. После этого Громыко провозгласил, что комиссию возглавит Горбачев²⁹. «По неписанной традиции тот, кто возглавляет такую комиссию, автоматически становится Генеральным», — справедливо замечает Н.Рыжков³⁰.

Теперь партия была уже почти выиграна, и можно было подумать о грядущем правлении. Р.Горбачева вспоминает, как на прогулке с ней 10 марта Горбачев говорил, что «реализовать что-то крупное, масштабное, назревшее — невозможно. Как будто стена. А жизнь требует, и давно. Нет, — услы-

шала я, — так дальше жить нельзя»³¹. Но по традиции Горбачев делал вид, что ничего еще не решено. Долгих, встретивший Горбачева на заседании Политбюро, спросил, готова ли «тронная речь». «Горбачев засмеялся и ответил, что он назначил людей писать речь для того, кто будет назначен, чтобы ее произнести»³².